

Кукушка

Все-таки странная эта баба Шура. Совсем на других деревенских старух не похожа. Живет как-то одиноко и тихо: сроду ни с кем ни за что не побранится. То ли дело бабы Настена с Веркой. Уж если не поладят, то на всю деревню крик слышен: всё по жизни друг дружке вспомнят. А эта, если даже кто слово недоброе скажет, завернется спокойно и уйдет к себе.

– Ты бы хоть за себя постояла-то, – скажет порой соседка. – Как наглость-то терпеть?

Баба Шура помолчит и в раздумье ответит:

– А зачем? Что грех на душу брать? В злобе-то человека мало остается. Она через час остынет, и самой стыдно станет. Только слишком озлобленные спокойствием бабы Шуры бросали как камень вслед:

– Кукушка!

– Ходила она тоже тихо как-то, почти незаметно.

Может, незаметно оттого, что была в своей одежде постоянная, будто один наряд всю жизнь носила. И обязательно в платке. Зимой только мягкий, ситцевый на теплый меняла, да в фуфайке от зимней стужи укрывала свое худенькое тело. С ранней весны до первых заморозков возилась она в своем маленьком саду да на огороде соток в десять. А как в деревне без огорода! В хозяйстве держала козу, хотя та хлопот ей доставляла немало: каждый день летом надо за кол на новом месте привязать, да и о корме на зиму похлопотать. Водила еще баба Шура кур. И все они у неё были черноватые, лишенные пестроты всякой, зато выхаживали по деревенской улице гордо: все, как одна, с хохолками, а на лапах полустанишки из перьев.

Странно относилась баба Шура и к шалостям ребятишек. Найдется ли в деревне хоть один мальчишка, который бы избежал соблазна залезть в чужой сад: свои-то яблоки не так вкусны. Да и риск-то какой: застанет хозяин – мало радости будет, да и дома добавят изрядно. Зато признаки геройства и отваги налицо.

А баба Шура так прямо сразу охоту всякую отобьет: застанет кого в своем саду, подойдет тихонько и посоветует:

– Да ты, милый, не спеши, ешь на здоровье. Только ветки-то не ломай. А то ни с того ни с сего вынесет ведро яблок, поставит у дома: ешь всяк, кто хочет. Какой уж тут азарт, какой резон в сад лазить?

Три раза в год ходила баба Шура в церковь. К великим праздникам – Рождеству и Пасхе – готовилась особенно: чтоб в одежде изъяну никакого, а главное, чтоб греха на душе не было. И каждой осенью, два дня кряду, была она в церкви. Срывала в саду несколько веток хризантем, несла их к иконе Божией Матери «Всех скорбящих Радость». А после службы тихо, но внятно шептала у иконы: «Всех скорбящих радости и обидимых заступнице... странных утешение..., немощных покрове и заступнице, жезл старости...».

Через день опять была в церкви и перед иконой святого великомученика Димитрия, который на Руси почитался покровителем воинства и которому молились о спасении душ, ушедших в ополчение, стояла долго.

Уставший взгляд ее старых глаз был в это время где-то

далеко-далеко, чуть шевелящиеся губы как-то странно подергивались, будто она разговаривала с кем-то далеким, но в то же время дорогим.

Был у бабы Шуры особый день в году, когда поведение её было особенно непривычным: как только сходил снег, колдовала она в саду над грядкой, где росли тюльпаны. Ни у кого таких на деревне не было: ярко-красные, стройные, на высоких ножках, с широкими темно-зелеными листьями, распутившиеся головки были величиной с хороший кулак. Их она ревностно охраняла от всяких посягательств влюбленных деревенских парней.

9 Мая, в День Победы, когда все шли на митинг к братской могиле, баба Шура облачалась в праздничные одежды, срезала все до единого тюльпана и шла с ними в лес, что был километрах в двух от деревни.

Возвращалась к обеду какая-то грустно-просветленная, довольная собой.

– Чтой-то с ней? – удивленно спросил у своей бабушки, жившей по соседству, Санька. – Во, даёт!

– Не ёрничай! – сурово одернула бабушка – хоть и мал ты ещё, но слушай, что скажу, да сердцем понять постарайся. Давно это у неё. Не всегда она такая грустная по жизни была. Муж у неё летчиком был. В войну и сгинул. Говорят, сбили в бою за Смоленском, да так с самолетом где-то в лесах и сгорел. Получила она бумагу, что пропал без вести... А тут у нас в войну тоже подбитый самолет в лесу сгорел. Вот она и ходит каждый год в День Победы на это место. Тюльпаны носит. А осенью в церкви поминает и мужа своего, и всех, кто с войны не вернулся. Так-то вот и век прожила.

После обеда Санька не утерпел и, никому не говоря ни слова, тайком пошел в лес. Искать место гибели самолёта ему долго не пришлось: припомнил рассказы взрослых.

Идя не спеша по весеннему лесу, радовался чуть распутившимся березовым листочкам, обрамляющим тяжелые сережки, отливающие желтизной, срывал стебли цветущего первоцвета и с удовольствием разжёвывал их, высасывая вкусный сок.

Тёплое майское солнышко будило лес. Он весь наполнился красками цветов, звоном проснувшихся от тепла мошек и комаров, гамом снующих по веткам птиц.

А вот косогор, где сгорел в войну подбитый самолет. Весь склон густо покрылся сочной молодой травой, а по зеленому ковру звездочками горели головки горлицы весеннего. Посередине косогора была глубокая ложбина с косо сходящимися, как ладони, краями. В самом центре ложбины, буйно поросшем густой травой, полыхали тюльпаны, принесенные бабой Шурой.

Саньке показалось, что его сердце сжалось, к горлу подкатил ком, а на глаза навернулись слезы...

Ку-ку! Ку-ку! – раздалось совсем близко. Санька хотел подумать привычное: каждый знает, о чем спросить кукушку.

Нет, решил он, – сегодня кукушка будет считать другие года: сколько лет как закончилась война? Сколько лет как погиб бабы Шуриин муж? Сколько лет живет в одиночестве